

НОВАЯ ЖИЗНЬ „АБЕСАЛОМА И ЭТЕРИ“

Не приходится говорить, насколько дорога грузинскому народу классическое творчество Захария Палиашвили, в которых с истинным величием и глубиной отразились лучшие черты национальной культуры. Оперы З. Палиашвили имеют у нас великодушные традиции музыкально-сценического воплощения. И понятно та тщательность, с которой дана общественность отнеслась к каждой их новой постановке. Но, к сожалению, за добрых двадцать лет проблема полноценного сценического воплощения «Абесалома и Этеры» на отечественной сцене все еще остается неразрешенной.

С большим волнением мы ожидали премьеры оперного периода З. Палиашвили в Киеве, на сцене Государственного оперного театра оперы и балета имени Тараса Шевченко.

И вот она состоялась. Можно во многом поспорить с авторами этого спектакля — дирижером, режиссером, художником. Многие в украинском «Абесалома», на первый взгляд, не отвечает нашим традициям — прежде всего традициям сценического воплощения, построения мизансцен, да и музыкального прочтения.

В ритуальных шествиях, весьма масштабно развернувшись в спектакле, не все выдерживает «чисто грузинским», некоторые из них идут от пластического решения цели мизансцен, основываясь на свободно претворенных элементах именно грузинской народной хореографии, другие исходят из лудоместивой фантазии постановщиков.

Но опера в целом воплощена настолько талантливо, ярко, с такой обзорностью и оригинальностью, настолько глубоко прочувствована и перенята авторами спектакля и всеми исполнителями, что это не может не вызвать чувства истинного восхищения и благодарности к замечательному украинскому музыкальному театру за спектакль, произведший незабываемое впечатление. В чудесном творении грузинской оперной классики.

Особая сила этой постановки в исключительной сценичности искусства дирижера (народный артист Украинской ССР Стефан Турчан), режиссера (народный артист Украинской ССР, заслуженный деятель искусства Грузинской ССР Дмитрий Смолч), художника (народный художник СССР Федор Народ) и хореографа (народный артист Грузинской ССР Зураб Кикадзе).

Величественная панорама горных вершин, развернувшись в глубине сцены, сопутствует каждому эпизоду спектакля. С самого же начала действие переносится в безлюдные горы, где живет Этери. Словно с вершин, как духовные восторги, доносится песня охотника. А между вершинами гор в кинжальной молнии гоним, увечный образ в явном оленевого рога (всем этим автор спектакля впервые в сценическом воплощении «Абесалома» вводит зрителя в мир сменяющихся самобытных поэмы Важа Пшавела «Этери». С холма царяча Абесалом и вальс Мурман, словно из орбиты взгляда наблюдая за делью, вдруг замечают красавицу Этери. И зачарованный даремч заплет сарафану — гимна девушки своей мечты. Поет он сверху незримо для Этери (с этой мизансценой, резко отличающейся от прочно установленных традиций, режиссер Д. Смолч как бы открывает дотоле невиданные возможности в трактовке сценической экспозиции оперы).

Авторы спектакля явно избрали путь динамичного раскрытия как музыкальной партитуры, так и сценического действия. решительно отвергая довольно распространяемую концепцию об «операторской пассивности» оперы. Обилие нюансировки и деталей благодаря их методу, впечатляющему воплощению в крупном плане и далеким случае вовсе не противоречат монументальному

стилю «Абесалома». В самом «операторском центре» оперы — в сценах свадьбы и расставания моменты торжественной «становки действия» и оценочные эффектно перемежаются с мощными потоками сценического действия.

Градусные ритуальные шествия в сцене свадьбы воплощены оригинальными средствами. Особо отметим один из самых неожиданных моментов спектакля: во втором акте, после гимна дари Абмо, перед появлением Абесалома и Этери, во время большого оркестрового замедления переключкой волторы, отправляется группа людей на похоронных, и вдруг торжественное шествие в своей удивительности превращается в хорон, и оригинальным рисунком которого узнаются некоторые черты «Хоружа».

В этом же акте впечатляют эпизоды и других торжественных ритуалов — такова сцена благословения новобрачных с пластическим обыгрыванием свечей. Четко вычурно в этом акте лживая поведания Мурмана, ворко сдвигает за ходом действия волнующих черт. Здесь с отличным мастерством синтезированы монументальные декоративные элементы и активное действие.

Оригинально решен и третий акт — расставание Абесалома и Этери, действие которого, в отличие от традиций, происходит под открытым небом. Во дворе дворца, ночью, среди огромных кипарисов, бродит страдающий Абесалом. И тут постановщики преподнесли новинку: нежесточенный народный режиссер назначает звучать за сценой, и этот скорбный мужской хорал словно выжигает черные тучи над Абесаломом. До появления на сцене хор поет без оркестрового сопровождения. Благодаря сценической ситуации такая интерпретация оправдана, и певие академии впечатляет своей монументальной внушительностью.

Временная «разгрузке» сцены и музыкальной фактуры служит дирижеру и режиссеру мощным темпированием для динамичного нарастания музыкально-сценического действия. В сценической композиции этого акта сценическое заполнение сцены скорбными народом (в киевском спектакле этот момент эффектно переключен к оркестровому апарату перед появлением Мурмана) сменяется волнообразно-пластическим колыханием фигур плачущих женщин (этот яркий сценический рисунок находит свое развитие и завершение в финале оперы).

Особая удача режиссера и художника — в отличном освоении большого сценического пространства. Яркий пример этого — четвертый акт. В глубине сцены, в центре панорамы гор, вырисовывается огромный замок Мурмана, своим грозным и таинственным обликом напоминающим величественный древнегрузинский памятник архитектуры — Тмогскую крепость. Замок отделен от действующей сценической площадки. Однако зритель психологически как бы ощущает «подземные» ходы к этому таинственному замку. Такому впечатлению способствует построение мизансцен, насмешки большой амплитудностью и образным эффектом.

Особенно хочется выделить одну прекрасную мизансцену: страдающий Абесалом посматривает свою мать за Этери. Но как только париды движется в путь, вдруг перед ней выстраивается живая стена из прекрасных девушек. А за ней незримо от париды появляется Этери. Их дуэт как бы преодолевает преграду.

Великолепна работа дирижера Стефана Турчана, лучезарный талант которого буквально бьет ключом на протяжении всего спектакля. Его дирижерское прочтение «Абесалома» пронизано богатством художественных видений, огромной эмоциональностью, безупречной пугущей и интерпретаторской фантазией. Немало выразительных акцентов «переставлено» им в звуковых партитуры (при этом она остается в непротивоположности, за исключением не-

скольких купюр). Но эти знаменитые дирижерские «схемы» настолько лучше подготовлены, что слушатель, хорошо знающий музыку оперы, как бы заранее ожидает подобных поворотов в музыкальном. Исключительно тонкая, с подлинным вдохновением прозвучало исполнение оперы. И мы сказали, что мы давно уже не слышали столь поэтичного и проникновенного исполнения ленточника любима Абесалома и Этери.

Подлинным венцом музыкального исполнения всего спектакля безоговорочно следует признать «Чакруло». Исполнение украинскими музыкантами этого величественного и сложного, сугубо самобытного грузинского застолья превзошло всякие ожидания. Звучит она мощно, с волевым героическим пафосом, с внушительным выделением основных стадий нарастания. Кстати, героический тонус «Чакруло» подготовил исполнением задорными песнями «друзья» (это также новое слово и исполнение «Абесалома»).

Не всегда можно согласиться с мурманом, иронизировать авторами спектакля. Так, в четвертом акте почему-то названы один за другом Абесалома и Мурмана, а также хвалит.

Искрасно воплотил талантливую и сложную исполнительскую концепцию ансамбль солистов. Он поет и действует с большим мастерством, своеобразно, искренно. Высокой трагической силой отмечен Абесалом в исполнении заслуженного артиста Украинской ССР Н. Головчука. Очаровательно по вокалу и пластике Этери — молодая певица Г. Ципела. Иро, густо, пропавшая в музыкально-драматическое содержание, воплощает образ Мурмана один из популярнейших певцов нашей страны народный артист СССР Д. Гиятук.

С большим подъемом поют «Чакруло» В. Лугов (Тавдух) и М. Кудата (Гостя), а вместе с ними — прекрасная исполнительница партии Марихи — заслуженная артистка Украинской ССР Н. Кудея. Ансамбль главных героев достойно поддерживают заслуженная артистка УССР Н. Миссия (Наташа), Л. Юрченко (Наяна), И. Черный (Царедворец).

Полнота великодушная хор — один из лучших хоровых коллективов Советского Союза. Вместе с дирижером огромную работу в освоении самобытной, сложной и монументальной хоровой партитуры провел хорейстер, заслуженный деятель искусства Украинской ССР Вл. Киселин.

В 1931 году в Харькове, прежней столице Советской Украины, впервые за пределами Грузии была осуществлена постановка «Абесалома и Этери». И вот «Абесалом и Этери» вновь звучал на украинском языке, в новом прекрасном переводе Б. Тена. Киевский театр посетил свой спектакль 50-летие со дня образования СССР, и это — достойный диалог в теплых дружбы двух наших народов. С киевской премьеры началась новая жизнь лучшего творения грузинской классической оперы.

Автор ЦУЛУКИДЗЕ.

ЗАРЯ ВОСТОКА
28 ИЮНЯ
1989